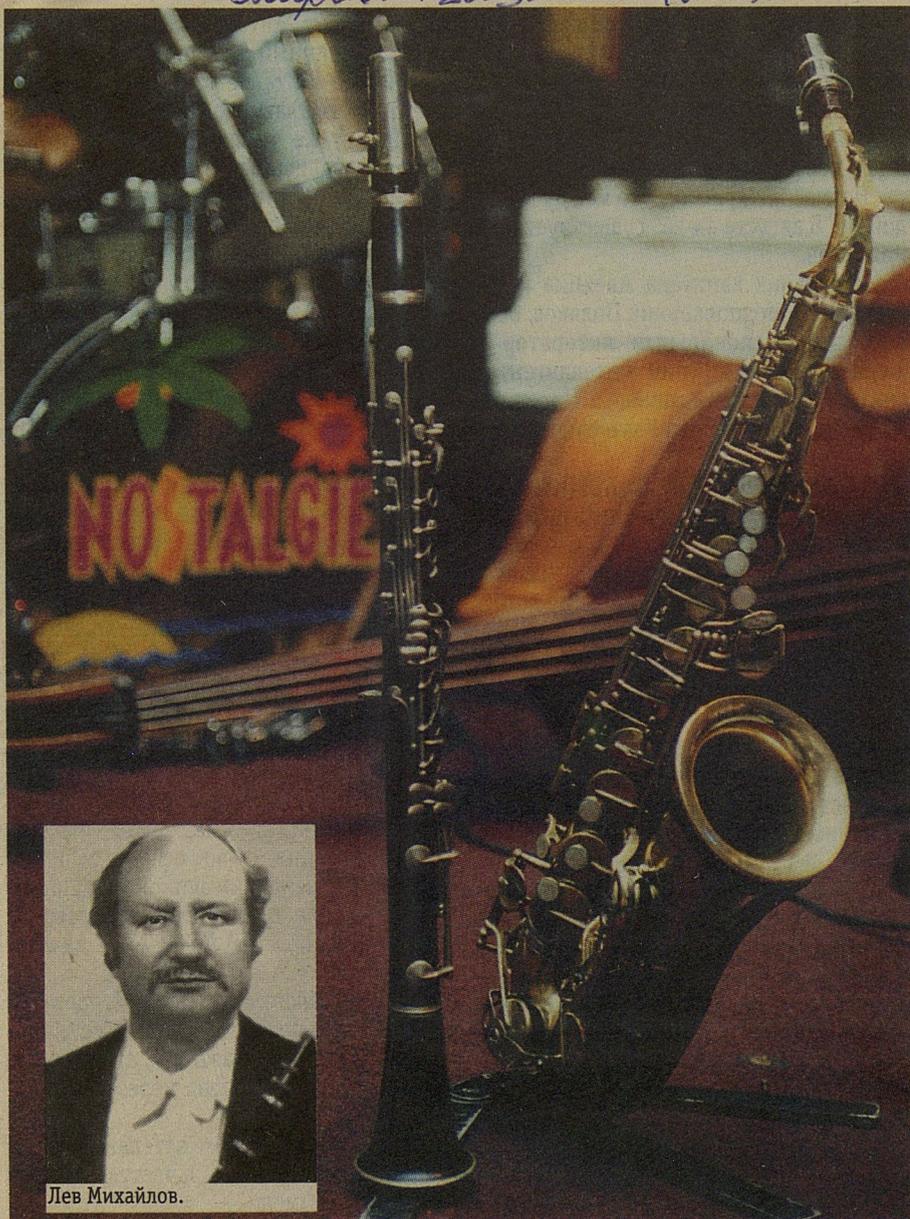

Алгоритм - 2003. - июль (№24). - с. 10-11.

Лев Михайлов.

П. Корбут

Валерий Березин

Мемуары – не газетный жанр. То, что я пишу, – так, мемуарчик. В смысле – маленькое воспоминание. По поводу маленького события, вовсе не всколыхнувшего прогрессивную общественность и окультуренные слои соотечественников. В Испании, не дожив двух месяцев до 67 лет, от болезней, пьянства и одиночества умер Лев Михайлов. Музыкант.

В НЫНЕШНЕЙ НОВОРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ выдающихся артистов – большие тьщи. То есть, сколько артистов, столько и выдающихся, поскольку славящие их журналисты пропорционально возвышаются на бугристом поле пиара. И когда знаменитый телеведущий именует великим раскрученного рок-певца, я внутренне соглашаюсь. Тем более что и звездун не возражает, кивает головой. Только введливый внутренний голос ехидно интересуется: а кем же тогда был Фёдор Иванович Шаляпин?

В этом контексте понимаю с солдатской определённой: Лев Михайлов не был великим. В том Советском Союзе, от которого никак не отлепиться моему поколению, он был лучшим кларнетистом своего времени. Или одним из двух-трёх лучших. Может быть, по уровню мастерства кто-то и мог с ним соперничать. Что же до таланта и музыкантской мудрости – как объяснить?.. Это вещи довольно субъективные. А вот саксофонистом он был – не гениальным и не великим, а просто – божественным. Его пластинки, записи, оставшиеся в фонотеке Московской консерватории, – не свидетельство "вдумчивой интерпретации" или "проникновения в художественный образ", а блюда для утончённого гурмана, предметы роскоши и абсолютного наслаждения, изысканного и вовсе не обязательного для жёсткого или псевдореалистического искусства тех лет.

1974 ГОД. МИХАЙЛОВ С ОГРОМНЫМ трудом убеждает начальство открыть класс академического саксофона в

консерватории, где тогда уже он преподавал кларнет. Со скрипом и сомнениями, но всё же разрешают как вторую специальность. Одновременно Михайлов получает приглашение на Всемирный конгресс саксофонистов в Бордо. И какой же партком или райком мог разрешить ему такую поездку? Правильно: никакой. Живы были ещё в мозгах верных сталинцев многотиражные плакатики "От саксофона до ножа – один шаг!" Неожиданно помог Кабалевский. Считавшийся одним из столпов советской музыки, он был в фаворе, влиятелен и вхож. Оказавшись человеком приличным и настойчивым, он "пробил" тогда Михайлову эту поездку через отдел культуры ЦК.

Первый (!) советский академический саксофонист на международном форуме такого уровня, среди именитых французов, у которых классический саксофон преподаётся с середины XIX века; среди всемирно известных джазовых американцев, блестящих виртуозных итальянцев, академических и артистических чехов... Нет, Михайлов не был ни основоположником, ни ро-

вание, умное, тонкое и точное. Тогда же ему посвятили сонаты для кларнета-соло В. Артемов и Э. Денисов. Эти сложнейшие по технике и языку сочинения Михайлов исполнял так внятно и естественно, что они казались доступными, словно песни советских композиторов.

Помню, он вернулся из Ленинграда, где играл с Рождественским Концертом Глазунова для саксофона с оркестром, и с восторгом приговаривал: "Любит наш народ саксофон-то, любит!" Рыжие усы топорщились, глаза блестели. Его записи кларнетового концерта Моцарта и саксофонного концерта Глазунова и ныне слушаются эталонными образцами стиля и вкуса. (Не многие знали, что его постоянно мучают боли в правом запястье. Он "переиграл" руку и постоянно носил обрезок старой шерстяной перчатки, чтобы грела. Никакие врачи не помогали, ходил к знахарям, потом нашёл какого-то китайца. Да толку не было.)

КТО ОН БЫЛ, ЭТОТ РАФИНИРОВАННЫЙ виртуоз? Сибирский русский му-

Класс саксофона

Лев Михайлов не был ни основоположником, ни родоначальником, а просто неповторимым музыкантом

доначальником – были на Руси классные саксофонисты. Но именно после его выступлений всерьёз заговорили о русской школе саксофона, и то была не только его победа. Вернувшись, он организовал первый в СССР классический квартет саксофонов – невообразимо нежный и бесстыдно-яркий ансамбль, который воспринимался меломанами как что-то недостижимо-заграничное, как первые "мерседесы" на российских дорогах.

Михайлов с одинаковым блеском играл на кларнете и саксофоне и в этом был уникален. Хорошо помню концерт в Доме композиторов, где он исполнил Фантазию Э. Денисова для четырёх саксофонов, Концертную фантазию Н. Пейко для двух саксофонов, и пьесу С. Губайдулиной, где поочередно играл на восьми инструментах: кларнете-пикколо, кларнетах "А" и "В", баскларнете, саксофонах сопрано, альте, теноре и баритоне. И это не были цирковые номера – самозабвенное, блистательное и помихайловски своеобразное музици-

жик из села Берёзовка Красноярского края. Из бедноты настолько беспроблемной, что его, дабы прокормиться, отдали в Новосибирскую военно-музыкальную школу. Уж оттуда по воле Бога и начальства Лёвушку направили служить в Москву, в оркестр Министерства обороны, где он сам подготовился к поступлению в консерваторию. В 62-м получил первую премию на конкурсе в Хельсинки, в 63-м – на Всесоюзном конкурсе. В консерваторские годы подрабатывал в ресторанном биг-бэнде и полюбил джаз. Но джазменом себя никогда не считал – стеснялся.

В двадцать восемь лет его пригласили вести класс в Московской консерватории. А я поступил к нему в ученики в 72-м, когда ему было уже тридцать шесть. Он был чудной, этот Лёва Михайлов. Плотный, ладно скроенный, с большой зальсиной и редкой рывжеватой шевелюрой, он держался всегда с той удивительной свободой, которую видишь только в аристократичных баловнях судьбы. Старшие студенты об-

ращались к нему на "ты". Во времена строгих галстуков и пиджачных пар приходил в консерваторию в свободных кофтах и элегантно-мятых вельветовых штанах. Случалось, составлял у стены четыре стула, ложился на них, раскрывал газету, командовал: "Тамму ре мажор!" Переворачивал страницу и бурчал: "Плохо. Ещё четыре раза". И так минут сорок. Зато когда ему хотелось заниматься – начинался театр одного актёра! И мимики, и жеста, в сочетании со всеми оттенками великого и могучего, иногда и не совсем литературного языка.

Сейчас понимаю, что он был прирождённым педагогом. Ни разу мы, ученики, не слышали от него дурного слова о коллегах. Чуть не каждую неделю в класс приходили молодые и маститые композиторы, приносившие Михайлову свои сочинения. Если уж мы, пацаны, понимали, что среди этих опусов немало мусора, то наш шеф, думаю, видел это по первым строкам. Но никогда в модуляциях его голоса не слышалось пренебрежения, хотя и с юмором, и с ощущением реальности у него было всё в порядке.

Концертмейстером-аккомпаниатором в нашем классе служила его жена Наташа, женственная, мягкая, деликатная. И, казалось, – бесконечно преданная Михайлову. Сколько камерных премьер они сыграли вместе, скольких учеников она тянула на себе, когда он был на гастролях! Однажды мы, первокурсники, слушали дипломную программу совсем взрослого выпускника. После его ухода Михайлов вдруг спросил: "Ну, как вам?" (чего в принципе никогда не делал). Откуда-то я набрался наглости и ляпнул: "Если бы я так играл на пятом курсе, я бы застрелился". Михайлов глянул с жалостью и процедил: "Ну и дурак". Через некоторое время умная и женственная красавица Наташа вышла замуж за этого самого выпускника.

А наш Лев Николаевич стал пить всё чаще и серьёзнее. Хотя и играл в эту пору много, и преподавал отменно. Тогда у него закончил аспирантуру Александр Осейчук, один из лучших нынешних саксофонистов, европейски известный джазовый музыкант, профессор Гнесинки. Игорь Панасюк занял место солиста-кларнетиста в оркестре Московской филармонии. Были и другие, но мой герой час от часу как-то тускнел, утрачивая блеск в глазах и интерес к окружающему.

ГЛАВНАЯ ЕГО РАБОТА ВСЁ ЖЕ БЫЛА в оркестре, сольными концертами духовики в России никак не прожить. Оркестр он обожал, купался в этой стихии с радостью и полным кайфом. Служил в оркестрах Всесоюзного радио и телевидения, солис-

том оркестра Большого театра, вторым солистом Государственного симфонического оркестра СССР. Никак не вяжется с ним пустое словечко "оркестрант", сплошь употребляемое нынешними культобозревателями, уверенно отличающими дирижёра от рояля. Он был артист оркестра, и окружали его классные артисты, имена которых произносились с почтением не только на просторах России: кларнетист Владимир Соколов, флейтист Валентин Зверев, валторнист Анатолий Демин, гобоист Анатолий Любимов, фаготист Валерий Попов – блистательные мастера, прославившие русскую школу духовых инструментов вопреки всем обстоятельствам и условностям, скреплявшим жёсткую иерархию музыкальных авторитетов родной страны.

Как-то я спросил Михайлова, чего он больше всего не любит в профессии. Ответ был выстраданным: посредственности за дирижёрским пультом. Когда играешь с Рождественским, Светлановым – всё ясно, точно, логично, за ними идёшь с радостью. А когда маэстро пустой и гулкой, как большой барабан, – скучно, тяжело и бессмысленно. Вспоминая сейчас наши беседы, всё больше прихожу к мысли, что Михайлов мечтал о дирижёрской карьере. Но, при всей его раскованности и вполне адекватной самооценке, слишком серьёзно относился к профессии. Жаль. Он был бы отменным дирижёром. И, возможно, это удержало бы его на плаву. Как и от дурного, невнятного решения искать счастья в чужих краях.

В начале смутного времени, прозванного "перестройкой", подвернулась возможность уехать в тёплую страну Испанию, в новорождённый оркестр. А там, глядишь... Казалось, в России карьера закончена, эвфемизм под названием "болезнь русского человека" передавался доброжелателями со скоростью телефонного звонка, задвигая прирождённого лидера и вояку на роли, которые были ему невыносимы и унизительны. А впереди мерещились лазурные дали, шанс начать с чистого листа, когда ты ещё в силе, не растратил ни ума, ни таланта, ни творческой энергии, да с новой женой... Очень скоро выяснилось, что там эту энергию некуда девать. И ум там нужен другой, изворотливый и практический. А талант хорош, когда востребован. Иначе – зачем он?

Для кого-то этот путь оказался удачей: сыто, спокойно, комфортно. Для него – дорогой в никуда. В преждевременную старость и болезнь, от которой уже было не уйти.

Его звали вернуться, держали место в консерватории. А гордость, а фанатерия, а рыжие усы?..